

История джиннов

Неизвестно где, но давным-давно.

Наш мир принадлежал джиннам — этим обреченным существам, что скитаются по нашей пустыне, словно потерянные души. В отличие от нас, людей, сотворенных из земли, боги создали джиннов из древнего пламени, которое позволяло им жить сотни лет и дарило магические силы. Вот почему некоторые джинны могут менять облик, а другие — выдыхать огонь или мгновенно перемещаться по всему свету.

Какое-то время джинны подчинялись велениям богов: они любили и лелеяли землю, которая была им дарована, и на ней царил мир. Но хотя большинство джиннов были благодарны богам, семь правителей джиннов были недовольны доставшейся им слабой магией — и они выразили свой протест, разрушая землю. Они создали ветра — такие сильные, что уносили воду из озер и океанов, и пламя — такое жаркое, что сжигало травяные луга, оставляя один лишь песок.

Увидев причиненные земле опустошения, боги решили наказать правителей и дали им то, чего они больше всего желали — сделали их магию сильнее, но при этом она стала неуправляемой. Магия оказалась настолько мощной, что прожгла провалы в песке,

заставив города джиннов провалиться, а их самих исчезнуть из этого мира.

Когда джинны исчезли, боги сотворили нас, людей. Пусть мы лишены магии и смертны, зато мы верно служим богам.

Некоторые верят, что мы должны направить свою веру на то, чтобы вернуть жизнь в этот бесплодный мир. Они говорят, что остатки природы сохранились только благодаря охотникам, которые ловят сбежавших джиннов и приносят их в жертву богам. Они утверждают, что серебряная кровь джиннов полна жизни: может превращать песок в воду и заставляет распускаться деревья и цветы.

Но не надо так извращать нашу веру.

Помни, Лейла: не все джинны злые.

Лули похоронила очень многое за то время, что прошло с тех пор, как ее мать в последний раз рассказывала ей эту историю.

Свое имя. Свое прошлое. Своих родителей.

Но эту историю она никогда не забывала.

1

ЛУЛИ

Когда Одноглазый Купец пригласил Лули аль-Назари встретиться с ним на маленьком скромном дхоу, она вполне естественно ожидала увидеть маленькое скромное дхоу. Однако дхоу оказалось не маленьким, да и скромным оно не было. На самом деле все было как раз наоборот.

«Айшам» оказался громадным кораблем с полным набором парусов, просторной палубой, внушительным набором помещений и высоко поднятым вороньим гнездом. Это судно по всем меркам было очень хорошим. Будь Лули пассажиром, она с удовольствием бы его обошла.

Однако Лули оказалась здесь не в качестве пассажирки. Она была здесь как Полночный Купец, уважаемый продавец магии, и пришла она на встречу с клиентом, который заставил ее ждать больше назначенного времени. «Я вызову вас в первый час восхода луны», — говорилось в его послании. Вот только этот час наступил и миновал, а Лули все еще ждала на палубе, облаченная в усеянное звездами купеческое одеяние, из-за которого выделялась, словно прыщ на лбу.

Она повернулась спиной к глазающим на нее разряженным пассажирам и устремила взгляд на горизонт. Знакомых созвездий на небе не было; ночь выдалась темной и мрачной, что не улучшало ее настроения. Она вздохнула — наверное, уже десятый раз за этот час.

— Жаль, что ты не в облике ящерицы, — сказала она мужчине, стоявшему рядом.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Хотя его каменное лицо почти не изменилось, Лули отметила, что между его бровями появилась едва заметная разница в высоте. Он совершенно явно приподнял одну в ответ на эти слова.

— И как бы это нам сейчас помогло?

— Ты мог бы проскользнуть вниз и найти каюту нашего клиента. В облике человека от тебя никакой пользы.

Человек с темно-коричневой кожей ничего не ответил, но его молчание легко было истолковать. Лули знала его уже девять лет — достаточно долго, чтобы понимать все его ухватки и волшебство. Ее больше не изумляло ни его оборотничество, ни пламя, плясавшее в его глазах, когда он давал волю чувствам. Сейчас он промолчал, потому что знал: ей не понравится то, что он может сказать.

— Мы предлагаем этому человеку магию, — сказала Лули. — Он мог хотя бы не опаздывать на встречу, которую сам назначил.

— Не надо об этом задумываться. Что будет, то будет.

— Мудрый совет, о великий джинн, — пробормотала она чуть слышно.

По губам Кадира скользнула мимолетная улыбка. Ему нравилось над ней подшучивать — и он был единственным, кому это прощалось.

Лули уже подумывала о том, чтобы вломиться в помещения корабля, когда услышала приближающиеся шаги и повернулась навстречу какому-то мужчине в белой джеллабе.

— Полночный Купец. — Он поклонился. — Расул аль-Джашин приказал мне провести тебя к назначенному месту встречи.

Они с Кадиром переглянулись. Его бесстрастное лицо говорило: «Я же сказал, чтобы ты не беспокоилась».

— Давно пора. — Она указала на Кадира. — Это мой телохранитель. Он будет меня сопровождать.

Посланец кивнул и повел их через толпы разряженных аристократов к малозаметной задней двери на другой сторо-

не корабля. Он постучал по створке в особом ритме, после чего ее открыл коренастый мужчина, который повел их по слабо освещенному коридору. В его конце мужчина постучал в другую дверь уже в ином ритме. Щелкнул замок, проводник открыл дверь и знаком предложил войти.

Лули посмотрела на Кадира. «Я за тобой», – сказала его молчание. Она улыбнулась и пошла.

Первое, что она заметила, это присутствие наемников, сразу трех, причем каждый стоял в своем углу каюты. В отличие от аристократов на палубе, на которых сияли разнообразные одеяния, на этих мужчинах было почти одно только оружие.

Ее мысли наполнились картинами кровопролития и убийств. Мать отчаянно указывает на пустой кувшин, приказывая спрятаться. Отец лежит в луже собственной крови.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и посмотрела в центр помещения, где за низким столиком на подушке сидел мужчина в одеянии разных оттенков зеленого. Соответствуя своему прозвищу, Расул аль-Джашин смотрел на мир одним мутно-карим глазом; вместо второго было блестящее бельмо, полускрытое под шрамами. Судя по форме носа, его многократно ломали и вправляли, а лоб был одновременно внушительным и довольно неудачным по размеру. Мужчина казался смутно знакомым, так что Лули предположила, что могла проходить мимо его лавки на каком-нибудь базаре.

Губы купца раздвинулись в сияющей улыбке, явившей золотые, бронзовые и белые зубы.

– Полночный Купец. Как я рад увидеть тебя во плоти! Извини за поздний вызов: я принимал важных гостей.

Он прошелся по ней взглядом.

Она знала, что он видит: низенькую и с виду хрупкую женщину, облаченную в несколько слоев голубого бархата, присыпанных белым. Она называла этот узор «звездной пылью». Уместно, ведь он принадлежал ее племени. Племени наджима. Обитателей ночи.

Как это обычно бывало, купец смотрел на ее полуприкрытое лицо дольше, чем на ее одеяние. Большинство деловых мужчин пытались смутить ее, глядя прямо в глаза.

И это никогда не работало.

— Прошу, — он указал на подушку по другую сторону от стола, — садись.

Она бросила взгляд на Кадира, который не сдвинулся со своего места у двери. Хотя купец на его появление не отреагировал, наемники смотрели на него с подозрением. Кадир не выказал никакой тревоги. Но он вообще очень редко это делал.

Лули села.

Купец протянул ей руку.

— Расул аль-Джашин. Польщен.

Она пожала ему руку.

— Лули аль-Назари.

Руку она поспешно убрала, встревоженная тем, как его взгляд задержался на ее железных кольцах.

— Должен признаться, не ожидал, что ты окажешься такой... юной.

«О да. Потому что двадцать — это так мало!»

Она вежливо ему улыбнулась.

— А ты именно такой, как я ожидала. Одноглазый и все прочее.

Молчание. А потом неожиданно купец захохотал.

— Да, именно так я получил свое именование. И, как ты можешь догадаться, именно поэтому позвал тебя сюда сегодня. Полагаю, у тебя имеется та магия, которую я запросил? — Лули кивнула. Расул откашлялся. — Ну так покажи ее.

Она сунула руку в карман и достала монету. Купец скептически наблюдал за тем, как монета исчезает у нее в пальцах. Со своего места за столом он не мог рассмотреть лица на обеих сторонах: воина-джинна на одной и человеческого султана на другой. При каждом своем появлении монета демонстрировала разное лицо.

Человек, джинн, человек, джинн.

— Мне напомнить нашу договоренность?

Она остановила монету, зажав между пальцами.

Расул нахмурился.

— Я уже заплатил вперед.

– Ты заплатил один раз. Теперь ты должен заплатить вторую половину.

Расул нахмурился.

– Я не стану оплачивать волшебство, которого пока своими глазами не видел.

Лули старалась не обращать внимания на взгляды вооруженных мужчин вокруг себя. «Со мной ничего не может случиться. Не может, пока здесь Кадир».

Она пожала плечами, изображая бесстрастность, и залезла в свой мешок купца. Кадир называл его бездонным мешком, поскольку вместимость была, видимо, бесконечной.

– Если можно верить только своим глазам...

Она достала пузырек. Он был маленьким – не больше ее пальца. Как только Одноглазый Купец узрел искрящуюся внутри жидкость, он попытался вырвать пузырек у нее из рук.

Лули спрятала его себе в рукав.

– Я жду вторую половину платы.

– Откуда мне знать, что это не вода!

– И что? Если это вода, отнимешь свое золото. – Она кивнула на вооруженных людей, стоящих у стен. – Они же здесь для этого, так? Чтобы обмен прошел по плану?

Мужчина поджал губы и щелкнул пальцами. Один из наемников вложил Расулу в руку кошель, и тот протянул его Лули. Она посмотрела на лежащие в нем монеты и на всякий случай, чтобы ее не обманули, подбросила свою монету. Выпало человеческое лицо. «Правда».

Она подала мужчине пузырек.

– Ты просил магию «Эликсир возрождения».

Мужчина выхватил у нее пузырек, и Лули улыбнулась под шарфом, глядя, как он возится с пробкой. Он был так возбужден, что у него руки тряслись.

«Если бы он только знал, насколько просто было найти такую магию».

Она перевела взгляд на Кадира. Хотя его лицо оставалось бесстрастным, как обычно, она представила себе на его губах довольную улыбку. Она вспомнила слова, которые он про-

изнес в тот день, когда она поделилась с ним заказом Расула. «Кровь джинна — лекарство для человека».

Люди не случайно назвали его «Эликсиром возрождения».

Причина стала ясна, когда Одноглазый Купец залил себе в глаз содержимое пузырька. Лули смотрела, как по его щеке потекли искрящиеся слезы, заставляя кожу сиять. Однако этот эффект был временным, а вот со слепым глазом купца происходило нечто более кардинальное.

Темнота расцветала в центре его зрачка, словно чернильное пятно, расплзающееся на свитке. С каждым мгновением она распространялась, становилась все шире и шире, пока чернота не посветлела до темно-коричневого цвета.

«Да уж, лекарство».

Вскоре из его глаз потек не так называемый «Эликсир», а настоящие слезы. Даже наемники не смогли скрыть потрясения, когда Расул устремил на них оба своих глаза.

— Хвала богам! — прошептал он.

Лули ухмыльнулась.

— Цена была должной?

— Такое чудо бесценно. — Расул потер мокрое от слез лицо, стараясь не задеть оживший глаз. — Будь тысячу раз благословенна, Лули аль-Назари.

Лули наклонила голову.

— И тебе тысячу благословений. Можно дать тебе совет? — Расул замер, глядя на нее. — Советую придумать себе новое именование. «Одноглазый» звучит слишком мелодраматично.

Купец расхохотался. Лули с удивлением заметила, что смеется вместе с ним. Когда Расул закончил осыпать ее похвалами и настоял на том, чтобы позже устроить ей великолепный пир, она ушла.

Идя по коридору, они с Кадиром обменялись взглядами. Джинн приподнял руку, чтобы продемонстрировать разглаживающийся шрам от раны, которую он нанес себе всего несколько дней назад.

Она одними губами произнесла: «Шукран, ох, святое, бесценное чудо!»

Кадир пожал плечами. Кажется, он старался не улыбнуться.

«Мама и папа умерли». Эти слова так и крутились у нее в голове. Лейла пыталась их утопить, но они снова всплывали, и из этой реальности невозможно было бежать.

Если бы джинн не волок ее через пустыню, она бы уже давно сдалась под весом своего горя. Но даже когда ее тело становилось тяжелым от усталости, он продолжал двигаться вперед. Поначалу она презирала его за это и даже страшилась его.

Однако страх постепенно уяс, сначала превратившись в неохоту, а потом в безнадежность. Какая разница, куда именно ведет ее джинн? Он сказал, что компас, который дал ей отец, приведет их в город, но город ее не интересовал.

Ничто ее не интересовало.

Спустя много восходов она рухнула. Хотелось плакать, но слишком сдавило грудь и невероятно пересохла глаза. Джинн терпеливо ждал. Когда она не встала, он поднял ее и пристроил у себя на плечах. Ей пришлось цепляться за него, пока он карабкался вверх по обрыву.

В ту ночь, после того как джинн развел костер, просто щелкнув пальцами, он достал из кармана монету и положил себе на ладонь.

— Смотри.

Кадир сжал монету в кулаке. Когда он снова разжал пальцы, ладонь оказалась пуста. Лейле невольно стало любопытно. Она спросила, не магия ли это, а джинн снова сжал и разжал кулак — и монета уже была у него на ладони.

— Фокус, — сказал он.

Лейла присмотрелась к монете. Кажется, она была иностранной: на одной стороне — лицо человека-султана, а на другой — охваченный пламенем джинн.

— В этом мире две земли, — сказал Кадир. — Людей и джиннов. И потому у этой монеты две стороны.